

Л. П. Черникова

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУР: ПРАКТИКА ДОСЛОВНОГО ПОНИМАНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

Во время длительной научной стажировки автору довелось побывать и поработать в КНР в течение ряда лет (1998—2005). Благодаря знакомству с Русским клубом в Шанхае мне попала в руки книга китайского профессора Ван Чжичена «История российской эмиграции в Шанхае», о которой в 1998 г. мне рассказал председатель РКШ Михаил Дроздов (к нему она попала от семьи Л. А. Бабаскиной и ее мужа профессора Го Нина, которые живут в Шанхае с 1959 г.). Семья Го давно собирала материалы и сведения о шанхайской русской эмиграции и много рассказала нам о А. Вертинском, О. Лундстреме, о жизни россиян в этом далеком китайском Вавилоне, а также о семьях русских советских людей, помогающих Китайской республике поднимать свою экономику до культурной революции...

Книга профессора Ван Чжичена вышла в Шанхае (КНР) в 1993 г. и стала рубежным этапом идущих в стране демократических перемен. Это равносильно тому, как если бы у нас в России такая книга была опубликована примерно в 1987 г., сразу после начала перестройки. Сегодня, глядя из XXI в., мы поражаемся и недоумеваем, как же она смогла увидеть свет в то время! Правда, книга была посвящена чужакам, иностранцам в Китае, и все же, все же... История эмиграции, заведомо настроенной против коммунистических сил в Китае, появилась в «стране социализма с китайской спецификой». К тому же автор и его семья пострадали во время культурной революции... Нет, это было что-то из ряда вон выходящее!

Сегодня в Китае идет процесс возвращения имен, публикуются статьи и книги на самые запретные прежде темы, идет реабилитация исторических событий и фактов, но это сегодня, а книга

эта вышла четырнадцать лет назад! Мы специально обращаем ваше внимание на этот факт, поскольку и сама книга, и ее концепция уже довольно сильно отстают от нашего времени, и хотя изложены в ней факты уникальные, все это вместе — взгляд автора, стиль и структура, большинство изложенных фактов — «исторически и научно» устаревают!

Мне как россиянке, впервые увидевшей в Китае этот справочник-энциклопедию и прочитавшей оглавление, показалось чрезвычайно важным и актуальным начать ее перевод. Даже странно, что за целое десятилетие никто из специалистов-синологов и переводчиков-профессионалов не принялся за перевод этого труда. Понимание научной ценности этой монографии, энтузиазм и желание увидеть эту книгу на русском языке, показать ее широкому российскому читателю — вот что двигало нашей группой при осуществлении перевода. Мы — это профессиональные китайские преподаватели-русисты и аспиранты факультета русского языка и литературы Хуадунского педуниверситета (г. Шанхай) и русская преподавательница-стажер из России. Работа над переводом этой книги заняла около двух с половиной лет, и практически столько же понадобилось для перепроверки фактов, фамилий, должностей, регалий, уточнений, сокращений, авторской правки и т. д. и т. п., поскольку требовалось много времени и терпения, чтобы закончить эту колоссальную работу.

Эта монография состоит из двадцати семи глав (831 страница китайского текста) и имеет уникальные по своему научному значению примечания на трех языках — русском, китайском и английском. Большой удачей автора является воспроизведение многих имен исторических деятелей и названий различных объектов и организаций на русском и английском языках. Правда, в процессе перевода выяснилось, что автор иногда опирался на китайские источники и периодику, поэтому названия различных организаций и часть фамилий были даны в китайском варианте, что практически лишило нас возможности интерпретировать их на русском языке. К тому же некоторые названия общественных организаций, дипломатических миссий, официальных органов и служб города он приводил не только из русских материалов, но и из китайской

прессы того времени. В связи с тем, что китайские авторы 1920—1940-х гг. не знали русского языка, как и другие иностранные языки, их материалы на зарубежную или местную иностранную тематику были не совсем точными, не совсем идентичными, что отчасти автоматически «перетекло» в этот обобщающий труд. В свою очередь, мы стремились сделать перевод книги максимально приближенным к оригиналу! Для этого пришлось искать в библиотеках тексты статей на русском, английском, французском языках и уточнять те сведения, которые излагались в книге.

Одной из слабых сторон монографии уважаемого ученого, как мне показалось, стало то, что многие сведения из периодики он принимал за стопроцентную истину, чего все-таки не стоит делать, работая с этим жанром. В частности, был небольшой кусочек из русскоязычной периодики 1919—1920 гг., где говорилось о прибытии сына Николая II на Дальний Восток с целью организации им повстанческого движения на границе с Китаем. Но такого факта просто не могло быть?! Мы были просто ошарашены. По сути, можно было ставить крест на нашем многострадальном труде. Пришлось отвлечься для поисков и интерпретации фактов на несколько недель, потому что дальше работать было нельзя. И мы нашли! Это были сообщения с территории Дальневосточной республики и линии КВЖД, где появились т. н. Лже-Алексеи — самозванцы из чудесно спасшихся представителей белой аристократии, намеревавшиеся собрать белые силы для нового похода против Красной армии. Перевод можно было продолжать, поскольку все объяснилось. Это так называемая «китайская специфика», о которой мы совсем не имели представления до начала работы над книгой.

Примечания в книге на трех языках значительно облегчали труд переводчикам и давали возможность охватить весь объем проделанной автором работы (а он был воистину колоссальным!). Профессор Ван Чжичен работал над сбором и обработкой материалов к этой книге около десяти лет, проведя поистине титанический труд: ему пришлось прочесть и обработать периодику 1920—1940-х гг. на русском, китайском, английском (частично на французском) языках. Только чтение русских периодических изданий — газет «Слово», «Шанхайская заря», «Вечерняя заря» —

требует огромного терпения (и хорошего здоровья), поскольку это ежедневные многостраничные газеты (8—26 страниц), которые издавались в Шанхае с 1925 по 1947 г. Не считая периодики английской и китайской!

Попутно заметим, что в газетной периодике 1920—1940-х гг. было немало разнообразной информации, не касающейся жизни шанхайских россиян: реклама, объявления, международные обзоры, новости моды, различные кинообозрения, литературные страницы, фотоновинки, музыкальные страницы, женские истории, детские стихи, новости туризма, воспоминания о жизни в России и многое-многое другое... Воистину «тысяча тонн словесной руды».

Свои исследования ученый проводил не только в Китае, но и в СССР (1990), России (1997) и США. Так, Ван Чжичен в 1992—1993 гг. стажировался в Стэнфордском университете США в Калифорнии. Это, как известно, один из облюбованных русскими эмигрантами штатов, куда они переселились сразу после отъезда из Китая.

Книга повествует о нелегкой судьбе российских беженцев, вынужденных покинуть дальневосточные российские границы после разгрома Белой армии. Около семисот тысяч человек оказались в трех северо-восточных провинциях Китая и в дальневосточном Вавилоне — Шанхае. В книге, которая является энциклопедией русской жизни в Шанхае, обозначен широкий круг проблем русской колонии, а кроме того, содержатся страницы истории русской духовной миссии, многочисленных национально-культурных объединений (еврейской, армянской, грузинской, украинской и других диаспор в Шанхае), социально-экономические проблемы русских беженцев, а также обозначены основные этапы российско-китайских и китайско-японских отношений на Дальнем Востоке.

Хронологические рамки работы охватывают время с начала XX в., когда Россия начинает освоение Маньчжурии и других районов Китая, до 1948—1949 гг., когда основная часть российской эмиграции покинула Шанхай после окончания Второй мировой войны.

Ученый исследует все стороны существования эмигрантов: от первых дней тяжелой беженской жизни, трудных лет приспо-

собрания к чужой иноязычной и иноментальной среде, взаимодействия с иностранцами (заправляющими жизнью европейского общества в Шанхае) — до первых успехов и расцвета русской эмиграции в Шанхае. А добилась она многого: открытие русских школ и университетов, строительство православных храмов, открытие своих магазинов, аптек, торговых компаний, банков и т. д. Большая часть монографии освещает также период Второй мировой войны в Шанхае и Маньчжурии.

Книга четко делит шанхайское российское эмигрантское сообщество на две части — белоэмигрантов и т. н. советских подданных, чья жизнь и существование находились в постоянной борьбе друг с другом. Исследованы многие стороны их повседневной жизни: юридический статус, политические организации, вопросы криминала (преступность и проституция), женский вопрос, вопросы воспитания молодого поколения, отношение к СССР, достижения культурной жизни и мн. др. Автор повествует также о нелегких военных шанхайских годах вплоть до 1949 г., когда часть бывших россиян (совподданных) вернулась на родину, в СССР, а другая часть вынуждена была рассеяться по странам дальнего зарубежья (Австралия, США, Новая Зеландия, Южная Америка и др.) в связи с приходом к власти китайских коммунистов.

Книга впервые вводит в научный оборот массу имен российских эмигрантских шанхайских деятелей — политиков, бизнесменов, деятелей культуры и искусства и т. д., а также имена наиболее влиятельных китайских функционеров того времени, лидеров иностранных концессий, названия различных организаций (как русских, так и иностранных), исследует вопросы демографии российской эмиграции и мн. др. Книга также содержит уникальные приложения: русско-китайский именной указатель (словарь имен), а также англо-китайский указатель старых и новых названий улиц Шанхая.

После публикации монография Ван Чжичена имела большой резонанс лишь в среде специалистов в самом Китае, и, признаваясь честно, широкой китайской читательской аудитории она малоизвестна. В силу же серьезного языкового барьера и проводящейся в то время «шоковой терапии» в России она практически «выпала»

из поля зрения российских и зарубежных ученых. Первая серьезная рецензия на нее вышла лишь в 2000 г. в журнале «Проблемы Дальнего Востока». Таким образом, по не зависящим от автора причинам его труд оказался почти недоступным научному миру.

А в России в это время ученые-исследователи и общественные силы тоже не сидели сложа руки. В течение 90-х гг. XX в. и в начале нынешнего вышла огромная масса публикаций на тему эмиграции, а также воспоминаний российских эмигрантов из разных регионов мира (как Запада, так и Востока). Сегодня первая волна общественного интереса к «эмигрантике» проходит, и это и хорошо, и плохо: с одной стороны, приступ общественной заинтересованности провоцирует к жизни публицистичность, поиск сенсационных фактов, и в этом смысле интерес имеют всякого рода публикации: и поверхностные, и не совсем правдивые, и глубокие, и серьезные. Главный принцип (все могут писать на тему эмиграции!) здесь работает в худшую для науки сторону. С другой стороны, на первый план наконец-то выступают настоящие, глубокие исследования. К сегодняшнему времени уже накоплен большой материал по эмиграции первой половины XX в., однако львиная доля публикаций — это чистая публицистика, и только пятая часть из них — серьезные справочные издания, исследования с анализом, компаративистикой, серьезным разбором источников и литературы.

Мы надеемся, что книга китайского ученого Ван Чжичена сможет осветить множество неизвестных ранее фактов из истории русской эмиграции в Шанхае. К сегодняшнему дню уже опубликован ряд книг по истории российской эмиграции в Японии, Корее, Вьетнаме, выходят научные монографии, альбомы, словари и справочники по китайской и тихоокеанской российской эмиграции, по Харбину, Тяньцзину, Синцзяну... Все они прямо или косвенно дополняют, а иногда и противоречат фактам из «нашей книги». Это объясняется тем, что монография «История русской эмиграции в Шанхае» была опубликована тогда, когда всех этих материалов просто не было или же они были доступны лишь единицам — исследователям из Европы и США, отчасти из Австралии и Израиля, т. е. до начала 1990-х гг. информация по этой теме была доступна

главным образом зарубежным исследователям и принадлежала зарубежной печати, к которым советская наука (впрочем, как и китайская) имела устойчивый иммунитет. В связи с этим нельзя забывать, что книга эта писалась в своеобразных условиях и получила определенную, несколько деформированную форму (по сравнению с первоначальным замыслом автора).

Например, в данной монографии вы практически не найдете ссылок на архивные фонды: их просто нет. Сам он объясняет это тем фактом, что после окончания культурной революции все архивы оказались наглухо закрыты. В то время чуть ли не подпольным путем в его распоряжении оказался лишь архив генерального консульства императорской России в Шанхае, аналитические записки генконсула В. Ф. Гроссе, сделанные для городских властей иностранных концессий. Собирая материал, автор опирался главным образом на книгу-альбом В. Д. Жиганова «Русские в Шанхае»¹ и на эмигрантскую периодику на русском, французском, английском языках, также на китайские газеты того времени. Книга, несомненно, имеет собственное лицо и характерные особенности, которые требуют необходимых пояснений.

До недавнего времени в китайской гуманитарной науке было широко принято специфичное отношение к материалам из архивов. На уровне общественного сознания и в широких китайских научных кругах долгое время считалось, что сведения из архивов, хотя и ценны сами по себе, не являются отражением объективного мнения, а являются, так сказать, частным взглядом на проблему. Поскольку материалы, содержащие субъективное мнение чиновника или полицейского агента, их донесения и т. д. не могут попасть в печать, эти сведения еще требуют особой проверки и перепроверки. А объективное общественное, а значит (по их логике), достоверное мнение отражают только материалы, попавшие в публичную печать (газеты, памфлеты, эссе, воспоминания и т. д.).

Только в последнее время, в связи с процессами глобализации и проводимыми в КНР реформами, эти взгляды подверглись существенной корректировке. В момент написания монографии автор был лишен возможности работы в китайских архивах, даже те материалы иностранных архивов, которыми он воспользовался,

работая в фондах за границей, он не имел права использовать (в виде сносок) ввиду политической цензуры. Получив, например, в американских архивах множество микрофильмов по различным материалам из Шанхая 1930-х гг., автор не смог их опубликовать, поскольку они во многом противоречили друг другу. Пере проверке данных нужно было посвятить еще несколько лет. Это объективная реальность начала 1990-х гг. И такое положение стало серьезной проблемой при создании монографии по русской эмиграции. Учитывая такую ситуацию, Ван Чжичен решил дистанцироваться от политических проблем (хотя этот вопрос весьма спорный), хотя и во время утверждения темы, и во время работы над ней ему постоянно на разных уровнях задавали вопрос, почему он интересуется этими «антисоциалистическими эмигрантами».

Вероятно, по той же причине в этой книге вы не найдете (или их будет крайне мало) прямых ремарок и оценок автора. В конце глав практически нет резюме автора, нет объективной оценки изложенных фактов, нет привычного нам анализа-концовки. Сам он объясняет это тем, что тема эта тонкая, чувствительная, многие будут возражать, поэтому своей задачей он считал сбор сведений, фактов, имен, событий и максимальную их передачу, без навязывания своего мнения, а читатели сами дадут оценку, сделают свои выводы, они достаточно умны и образованны для этого. Такой взгляд также можно легко объяснить особой «китайской спецификой»: ментальность этого восточного народа такова, что они практически никогда не высказывают своего истинного отношения к поведению, образу жизни и поступкам иностранцев (если те не нарушают законы), их идеологии, религии и т. д. Ведь вай-гуожен² — другие, у них другой взгляд на все, совершенно иная жизнь; поэтому, советуют китайцы, вы больше наблюдайте, читайте, проникните в тайны их жизни и существования, в причины их появления у нас, и тогда вы сами все поймете...

Вероятно, по той же причине Ван Чжичен не написал и предисловия к своему первому изданию, ведь китайский этикет приличия — быть скромным, объективным, уравновешенным. Пытаясь обойти острые углы политических конфликтов 1920—1930-х гг., он стремился написать «общую историю» трудной и нелегкой жиз-

ни эмигрантов в Шанхае, не вдаваясь в оценку, кто чей шпион — японский, советский или американский.

Если начать разбираться в этом, тогда ничего не сможешь написать. Я писал работу, руководствуясь не европейской, а китайской национальной традицией. Меня волновал простой вопрос: откуда в Китае взялись эти русские люди и почему они оказались в Шанхае? Еще мальчиком, живя в центре французской концессии, я задавался этим вопросом, но не знал ответа на него. Я поставил себе цель: написать книгу о существовании русских в Шанхае, и когда она была написана, я не могу назвать ее научной монографией, потому что самой большой трудностью для меня стало полное отсутствие материалов. Кроме альбома В. Д. Жиганова, которым я, разумеется, пользовался, у меня не было никаких других книг о шанхайской эмиграции. Кроме того, встал вопрос, а что было после 1936 г.? Начав работу по сбору материалов, я оказался в вакууме информации о более чем 35—45 тысячах людей, проживавших в нашем городе в течение более чем двадцати лет. Я обратился в Шанхайскую городскую библиотеку, в фонды хранилища «Зи-Ка-Вэй» (французская католическая библиотека. — *Л. Ч.*), которая является второй по значимости после Ватикана. И там мне предоставили огромное число разрозненных экземпляров газет, не сшитых, а просто валом вперемешку лежащих в огромных комнатах, не приспособленных для хранения. И для начала мне пришлось заняться разборкой этих газет: по годам, по языкам, по номерам. Когда их прошли и переплели, ими стало можно пользоваться. Поскольку газеты освещали общие открытые вопросы, они стали основным материалом для написания книги. Так я даже не знал вначале, что мне предстоит несколько лет упорной ежедневной колоссальной работы. И впереди меня ждало много открытий...

Действительно, многие главы этого труда лишены авторского послесловия, обобщения, оценки. А когда автор брал на себя смелость высказать свою точку зрения, то мне как россиянке трудно было согласиться с ней. Скажем, это касалось общепринятой в Китае оценки русско-китайских отношений в прошлом, а также вопроса территориальных споров вокруг крепости Албазин. В книге эта проблема подана с позиции захвата русскими исконно китайских земель на территории Сибири и Дальнего Востока... Спро-

сите у любого китайца: начиная с младших классов школы в учебниках и исторических книгах для детей проблема изложена именно так и никак иначе! Поэтому с молодости они убеждены в правоте этого дела. Это вопрос вечный, и каждая страна имеет свой взгляд на эти вопросы.

Трудно также согласиться с точкой зрения автора, будто русские в 1920—1930-е гг. смотрели на китайцев «свысока» и что этим объясняется невысокий процент межнациональных браков, что такой взгляд был обусловлен национальной спесью и социальным неравенством. Как представляется, это было обусловлено несколькими факторами: 1) языковым барьером; 2) тем, что россияне попали в Китай совершенно случайно, в силу исторических событий и были совершенно неготовы к такой «встрече цивилизаций»; 3) большими культурными различиями, прежде всего в семейных отношениях; 4) россияне считали себя временными жителями этой странной, пусть и гостеприимной земли (а то, что им пришлось прожить тут более двадцати лет, это уже объективные условия жизненных обстоятельств); 5) в начале XX в. социальное неравенство уже не было тем фетишем, который диктовал определенный поведенческий стереотип для русской женщины XIX в., скорее, здесь играла роль не социальная сторона вопроса, а финансовая: русские женщины искали себе надежных жизненных партнеров, а общая бедность китайского населения не давала им возможности рассматривать китайцев даже в качестве претендентов на роль мужа: интересовались лишь зажиточными иностранцами, учили языки, готовили себя к другой жизни, чаще всего не в России...

Однако нашей задачей было перевести весь труд как есть, поэтому мы не имели права вторгаться в авторскую оценку. Все эти наши «несогласия» остались «за кадром», ибо нашу роль мы видели в добротном и честном переводе. Мы согласились с автором: читатель сам во всем разберется! Единственное, что мы позволяли себе — это пояснения при переводе, ориентировались в целом не на редких специалистов по этой теме, а скорее на широкого читателя, мало знакомого с подробностями политических и военных событий того времени.

Надеемся, что данный труд будет иметь успех у российских читателей. Книга выходит в издательстве «Русский путь» в 2007 г. Переводчики предоставили издательству иллюстрации: фото персоналий, фотографии Шанхая 1920—1930-х гг., фото сегодняшнего Шанхая (оставшиеся из эмигрантского наследия здания и сооружения русских беженцев), рекламные странички шанхайской жизни начала XX в., фотокопии русскоязычных шанхайских газет, уникальные фото А. Вертинского, Ф. Шаляпина, О. Лундстрема (с концертов) и других выдающихся деятелей российской культуры, оказавших большое влияние на развитие эмигрантской жизни в Шанхае, уникальные фото издававшихся в Шанхае русскоязычных книг и газетных изданий и мн. др.

Представляется, что небезынтересна также судьба самого автора данной книги. Александр Ван Чжичен родился в Шанхае в 1940 г., в семье китайского профессора западной литературы, свободно владеющего английским языком. Семья жила на территории французской концессии в собственном особняке. Отец занимался переводами английских романов на китайский язык, преподавал в одном из университетов. Позднее стал редактором одного из издательств, в середине 1930-х гг. — редактором солидной китайской ежедневной газеты «Да Ванбао» («China Evening News»). Семья вела светскую жизнь: выезжали в общество, встречались с высокопоставленными деятелями политики и культуры, общались и дружили с иностранцами.

После 1949 г. газету отца закрыли как «гоминьдановскую», и семья переехала в скромную квартиру. Во время «культурной революции» отец четыре года находился «на исправительных трудовых работах», испытал сильное потрясение, был морально сломлен, больше уже никогда не брался за переводы и литературную деятельность. Молодой Ван Чжичен в это время уже закончил школу и стал поступать в институт на иностранные языки. Его определили на русское отделение. В разгар культурной революции Ван Чжичен был вынужден устроиться простым учителем в школу, стал преподавать английский язык (сегодня он свободно владеет русским и английским, читает по-французски). Семья его все же выстояла, а сам Александр Ван Чжичен с 1981 г. стал работать

в Шанхайской академии общественных наук (ШАОН), в Институте по изучению СССР и стран Восточной Европы.

С 1982 г. он стал собирать материалы для будущей книги. В первоначальном варианте книга имела около трех тысяч сносок на разных языках, а шанхайское издательство потребовало сократить их вдвое! Поэтому пришлось серьезно порезать многое из книги. Например, в первоначальном замысле была глава о шанхайских еврейских эмигрантах, которая была почти закончена. Автор рассказывает, что издательство было неумолимо: зачем здесь нужны евреи, ведь книга о русских? Так, осталась глава о цыганах, а еврейскую часть пришлось убрать. «Я “рассыпал” ее в разных частях книги, — говорит он, — а переводчики предложили “собрать” ее снова. Я не возражаю, если это поможет общей картине». Так мы и сделали. В русском варианте книги есть глава, посвященная русским евреям.

Также ему пришлось снять из печати главу о спортивной жизни русских эмигрантов в Шанхае, а ведь она была неотъемлемой частью существования российской колонии! «Я был поражен величием русского духа, — рассказывает он свои впечатления о работе. — Представляете, гонимые со всех обжитых мест, русские после Второй мировой войны везли из Китая не вещи, не драгоценности, а любимые книги, газеты и журналы на русском языке! Это действительно были настоящие интеллигенты, на чужбине — в Америке, в Австралии — они хранили свои печатные издания, дорогие им журналы, альбомы всю жизнь. Жаль, что их дети и внуки совсем не интересовались этим. Многие уже безвозвратно утеряно...»

В начале 1990-х гг. Ван Чжичен стал доктором наук, профессором ШАОН. Во время работы в библиотеках и архивах США в 1993 г. профессор Ван Чжичен встречался с И. Бродским и семьей А. И. Солженицына. Сам Александр Исаевич, изъявивший желание встретиться, в момент назначенной встречи срочно улетел в Ватикан, но он передал через супругу Наталью Дмитриевну, что удивлен и восхищен подвижнической деятельностью китайского ученого... «Для меня, — вспоминает профессор, — эта встреча оказалась знаковой: я понял, что моя работа важна и нужна лю-

дям, раз к ней проявляют интерес такие люди, как Солженицын и Бродский...»

Сегодня Ван Чжичен работает над книгой по Харбину, выпустил несколько работ в серии «Жизнь эмигрантов в Китае» (сегодня там идет выпуск нескольких серий такого плана) по быту и ежедневной жизни русских в Шанхае. Есть глава («Русские спортсмены») в коллективной монографии, посвященной спортивной жизни Шанхая 1920—1940-х гг. На очереди книга по музыкальной жизни, по истории еврейской диаспоры в Шанхае — словом, планов на будущее много. Среди множества его проектов есть идея создания в Шанхае Центра русской культуры. Вклад ученого в историческое наследие российской эмиграции в Китае огромен, нужно только донести все его усилия до российской аудитории.

¹ См. Жиганов В. Д. Русские в Шанхае. Шанхай, 1936.

² Иностранцы.